

— Такой маленький проход, как он мог туда провалиться? Не застрянет ли он? — Бай Чжэнцин сделал жест, сравнивая размеры толстого кролика и отверстия.

Хотя он и был учителем, Линь Дань очень дорожил своим кроликом и поспешил защитить его:

— Муфта просто пушистая, она только кажется толстой! К тому же она очень мягкая.

Муфта достигла такого уровня полноты, что её можно было бы назвать рекордсменом среди кроликов, но, в конце концов, она всё же оставалась кроликом и по сравнению с человеком была куда «стройнее». Проход, в который провалилась Муфта, представлял опасность даже для такого худого, как Линь Дань, не говоря уже о двух других людях.

Здесь Ху Чэ проявил свои навыки. Благодаря знаниям, полученным от даоса Ина, он вытащил меч и, следуя швам между кирпичами, расширил проход. Вложив меч обратно в ножны, он с гордостью заявил:

— Конечно, мне далеко до мастерства даоса Ина, который может разрушать горы одним ударом меча, но с такими задачами я справляюсь.

Однако его демонстрация оказалась напрасной. В тёмном тайном ходе, даже с двумя факелами, освещение было далеко не таким ярким, как днём. К тому же дым от факелов и толстый слой пыли, скопившийся в проходе, поднялись в воздух, создавая эффект, сравнимый с метелью.

Бай Чжэнцин неожиданно получил порцию пыли в глаза.

Линь Дань вовремя закрыл глаза, но всё же чихнул пару раз, прикрывая рот рукой:

— В следующий раз, прежде чем действовать, предупреди.

Ху Чэ, не добившись успеха в своём «геройстве», выглядел несколько подавленным и тихо пробормотал:

— Ладно.

Взяв факел у Линь Даня, он осветил расширенный проход. Нижний уровень оказался выше, чем верхний.

Веревки у них уже не было. Муфта спокойно сидела внизу, и, судя по всему, опасности не было. Ху Чэ решительно заявил:

— Подождите здесь, я спущусь первым.

С этими словами он прыгнул вниз.

Увидев Ху Чэ, Муфта, что было редкостью, не проявила агрессии и даже потёрлась о него, прося, чтобы её подняли наверх. Однако Ху Чэ поднял её и поставил в другом направлении, приказав:

— Иди, води нас вперёд.

Муфта подняла заднюю лапу, но не ударила, оглянулась на Линь Даня, всё ещё находившегося наверху, и неохотно начала прыгать вперёд.

Нижний уровень был небольшим, с четырьмя каменными комнатами разной высоты. Сейчас они были пусты.

Бай Чжэнцин спустился следом и осмотрелся, но ничего не обнаружил:

— Возможно, это было хранилище, но его так и не использовали.

Линь Дань тоже ничего не нашёл. Если бы это помещение использовалось, обязательно остались бы какие-то следы. Они проверили каждый кирпич, но не нашли никаких секретных механизмов или проходов.

В течение следующего месяца они исследовали тайный ход, который привёл их к дому маркиза Чана, подтвердив первоначальное предположение Бай Чжэнцина. По пути они обнаружили три ответвления: одно вело к обычному дому, другое — к неприметной гостинице. Однако оба места были покинуты. Как и дом маркиза Чана, они превратились в руины.

Дом маркиза был дарован императором, но после казни всего рода маркиза он был конфискован и теперь должен был быть собственностью государства, за которую Министерство работ обязано было ежегодно выделять средства на содержание.

Однако дело маркиза Чана было настолько громким, что император предпочитал не упоминать о нём, и Министерство работ, судя по всему, тоже не спешило восстанавливать дом.

Подобные тайные комнаты они обнаружили в шести местах.

Линь Дань с сожалением заметил:

— Выходит, этот ход не соединяется с дворцом. Он задумчиво добавил. — Все мои предположения оказались напрасными. Даже выхода за пределы города нет.

Бай Чжэнцин, подумав, нашёл это логичным:

— Если рыть такой ход в городе уже сложно, то сколько усилий потребуется, чтобы вывести его за городские стены?

— Но этот ход всё равно странный. — Ху Чэ, покрытый пылью, выбрался из прохода и помог остальным и кролику выбраться наружу. — Судя по этим двум жемчужинам, ход определённо использовался, но, кроме них, никаких следов нет.

— Если всё было так тщательно убрано, почему остались эти две жемчужины?

Жемчужины размером с глаз дракона были ценными, но найденные в проходе явно не представляли большой ценности. Жемчуг — деликатный материал, и требования к нему гораздо строже, чем к золоту или серебру. Эти две жемчужины, вероятно, пролежали в проходе много лет и уже потеряли блеск, оставив лишь возможность превратить их в пудру.

Для Линь Даня, конечно, стоимость жемчужной пудры не имела значения. Он нашёл неприметную коробку, положил туда жемчужины и поставил её на книжную полку.

Ху Чэ уже приготовил одежду для себя и Бай Чжэнцина, и они втроём отправились в баню при академии.

Банщик, работавший там, уже привык к ним и даже здоровался. Работа банщика была технически сложной, но доход зависел исключительно от количества клиентов. За спину брали

одну монету, за массаж — три, причём часть денег забирала баня. Сейчас, когда погода была прохладной, клиентов было мало, и банщик едва сводил концы с концами.

Однако работа в бане при академии имела свои преимущества: можно было питаться в столовой академии, что было гораздо дешевле, чем готовить самому, а одинокие работники даже могли жить в маленьких комнатках, где хранились инструменты. В бане, несмотря на влажность, было теплее, чем на улице.

Конечно, они пришли втроем, но услуги банщика понадобились только Бай Чжэнцину.

Что касается Линь Даня и Ху Чэ, они могли мыть друг друга. Они взяли две кабинки: в одной были молодожёны, в другой — Бай Чжэнцин и банщик.

Бай Чжэнцин почувствовал, что что-то не так.

Линь Дань, находясь перед старшим, всё же испытывал некоторую неловкость от того, что они с Ху Чэ мылись вместе. К счастью, даже в кабинке Ху Чэ не позволял себе слишком многого, хотя и с трудом сдерживался. Он не мог допустить, чтобы кто-то услышал даже малейший звук, который мог издать Линь Дань.

Он не считал, что Линь Дань принадлежит ему полностью, но в таких местах его ревность и консерватизм проявлялись особенно сильно.

Их будущий трёхдворный дом уже активно ремонтировался. Ху Чэ уделял особое внимание месту для купания, и, выйдя из бани, он заговорил:

— Завтра начнём копать бассейн. Пойдём посмотрим на новый дом, учитель тоже с нами.

— Хорошо. — Бай Чжэнцин уже согласился жить вместе с учениками. — У меня всего два ученика, и я ими очень доволен. Хотя они молоды, но оба способные, и я не настолько консервативен, чтобы не позволить им заботиться обо мне, хотя мне ещё не столько лет, чтобы требовать ухода.

Большая часть моего дохода и так поступает от семей Линь и Ху. Академия тоже платит, но суммы небольшие, едва хватает на жизнь. Конечно, учитывая, сколько времени я провожу в академии, платят мне вполне щедро.

Когда я перееду к ученикам, смогу сдать свой маленький двор в аренду, что тоже станет неплохим доходом. В конце концов, мои ученики занимаются этим, так что пусть они и заботятся о делах, а я буду считать деньги.

Бай Чжэнцин был типичным учёным, и в делах управления у него не было особых талантов, хотя он всё же был немного лучше, чем старший дядя Линь. В противном случае он бы не смог накопить на маленький двор в столице, хотя и не намного лучше.

Что касается нового дома Линь Даня и Ху Чэ, Бай Чжэнцину не хватило бы трёх жизней, чтобы скопить на такой.

Муфта: Даньдanhь, хотя у тебя нет шерсти, у меня она есть.

Даньдanhь: Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

Муфта: Даньдanhь, хотя у тебя нет лап, у меня они есть.

Даньданы: Я всё ещё не совсем понимаю.

Муфта: Даньданы, хотя у тебя нет ничего, что есть у кролика, у меня всё это есть.

Даньданы: Я просто не кролик!

Муфта: Даньданы, не переживай, я тебя не осуждаю.

<http://bllate.org/book/17701/1652745>